

В. Ф. Ходасевич

"Юнкера"

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Русская "честная", "передовая" критика, та, что упорно звала писателей "сеять разумное, доброе, вечное" и (надо ей отдать справедливость) сама весьма доблестно занималась тем же, -- состояла из людей, разумеется, глубоко порядочных, отчасти даже подвижников. Ее недостатком было лишь то, что, вполне зная толк в добродетели (в особенности гражданской), она несравненно меньше понимала в искусстве. Пожалуй, даже и не хотела знать, ибо всякое художество почитала как бы лишь прикрасою того "разумного, доброго, вечного", которое должно любить без всяких прикрас. Всякое мастерство почитала она напрасной, а то и лишней искусственностью, наивно думая, будто бывает искусство без искусственности. В Пушкине она не отказалась ценить то, что в свой "жестокий век" он "прославил свободу", но, в сущности, не считала его человеком серьезным. Устами Писарева, человека кристальной честности, способного падать в обморок, когда он слышал неправду, -- она не постеснялась от Пушкина и отречься. В писателе она умела ценить лишь "идеи". Пушкинские идеи слишком глубоко спрятаны в форме -- передовая критика не умела их находить.

Формалисты были людьми противоположной крайности, противоположного заблуждения. Эти хотели исследовать одну только форму, презирая и отменяя какое бы то ни было содержание, считая его не более как скелетом или деревянным манекеном для набрасывания формальных приемов. Только эти приемы они и соглашались исследовать: не удивительно, что в глазах Шкловского Достоевский оказался уголовно-авантюрным романистом -- не более. Как исследователь литературы Шкловский стоит Писарева. Как нравственная личность Писарев нравится мне гораздо больше.

В действительности форма и содержание, "что" и "как", в искусстве нераздельны. Нельзя оценивать форму, не поняв, ради чего она создана. Нельзя проникнуть в "идею" произведения, не рассмотрев, как оно сделано. В "как" всегда уже заключается известное "что": форма не только соответствует содержанию, не только с ним гармонирует -- она в значительной степени его выражает. Формальное рассмотрение вещи всегда поучительно, не только потому, что из такого рассмотрения может быть почерпнут рецепт для создания других вещей (я даже думаю, что на практике такие рецепты слишком часто оказываются неприложимы), но и потому, что здесь, отсюда, с этой стороны порой открывается самая сердцевина произведения, самая подлинная его "философия". В искусстве ничто не случайно. Иногда одна маленькая подробность, чисто формальная и с первого взгляда как будто даже незначительная, несущественная, оказывается ключом ко всему замыслу, тем концом нитки, потянув за который мы разматываем весь "философический" клубок. Это вовсе не значив, что в данном произведении заключен какой-то ребус, который читатель должен разгадывать, причем автор лукаво спрашивает: разгадаешь или не разгадаешь? Это значит лишь то, что форма довлеет содержанию, что мысль художника ищет выразить себя в форме и иначе, как в данной форме, не может быть им выражена. Художник выражает мир таким, каким он ему видится, а что значит такое видение -- это, быть может, ему самому не более ясно, чем его читателю. Читатель может "открыть" в произведении больше, чем автор *сознательно* хотел выразить. Критик есть только внимательный читатель. Критик порою тянет за конец нитки -- и вычитывает то, что, пожалуй, будет новостью для самого автора, хотя эта новость, несомненно, заключена в произведении.

В "Юнкерах" Куприна {А. Куприн. Юнкера. Роман. Изд-во "Возрождение". Париж, 1933. Стр. 326.} таким концом нитки мне представляется подзаголовок: "Роман". Да не посетует на меня автор, если я, потянув за этот конец, при помощи объективного рассуждения попробую вытянуть из "Юнкеров" то, что в них вложено лишь инстинктом автора и, может быть, им самим не было до конца создано. Мое рассуждение будет формально, но тем-то и драгоценна форма, что в ней выражается та последняя, та самая сокровенная мысль художника, которая в одном только содержании не может быть выражена. Она выражается на пересечении содержания с формой.

Что такое роман? В сущности, мы не имеем точного определения этой формы литературного творчества. Как бы, однако, ни определять его, существенным и бесспорным признаком романа во всяком случае окажется наличие единой, планомерно развивающейся фабулы, основанной на